

«Мертвое» дело

В РЕДАКЦИЮ «ММ» пришло письмо из Казахстана. За помощью к журналистам обратилась Любовь Васильевна Шульга. Иначе как криком души ее послание не назовешь. Вот выдержки из ее письма: «Семь лет назад в Магнитогорск приехал мой младший сын Шульга Сергей Иванович 1967 года рождения. Устроился на работу в автопарк водителем, жил в общежитии. Когда он уезжал, у него был еще советский паспорт. Он собирался жить, работать, получить гражданство. В мае 1998 года вступил в гражданский брак с Еленой Игониной. Она тогда тоже работала в автопарке. Приезжали они ко мне в Казахстан несколько раз. А 20 января сего года ворвалась в мой дом беда. Принесли телеграмму от Лены: «Умер Сергей».

Привез меня в Магнитогорск средний сын. Я — старая больная женщина, мне 71 год. Ехала и боялась опоздать на похороны сына, а оказалось, что он до сих пор в морге и хоронить его сожительница не собиралась. Полупьяная, она толком не могла сказать, отчего умер Сергей. Или она его прибила, или отравила той гадостью, что сама пьет, — какой-то кристаллик. По ее словам, он два дня был без сознания и умер.

У меня с сыном Александром начались мытарства. Решили мы своими силами и средствами похоронить здесь Сергея. Но не тут-то было. В морг четыре раза ездили. Нет его паспорта, а нет паспорта — тогда нужна форма № 1. Обратились в паспортный стол, потом к помощнику депутата Крашенинникова, к прокурору Е. Ботвинкину, который отослал нас к следователю Боровицкому. Тот потребовал паспорт. Мы ему опять: документы у сына похищены. Он сказал, что во вторник поедет в морг и узнает мед-

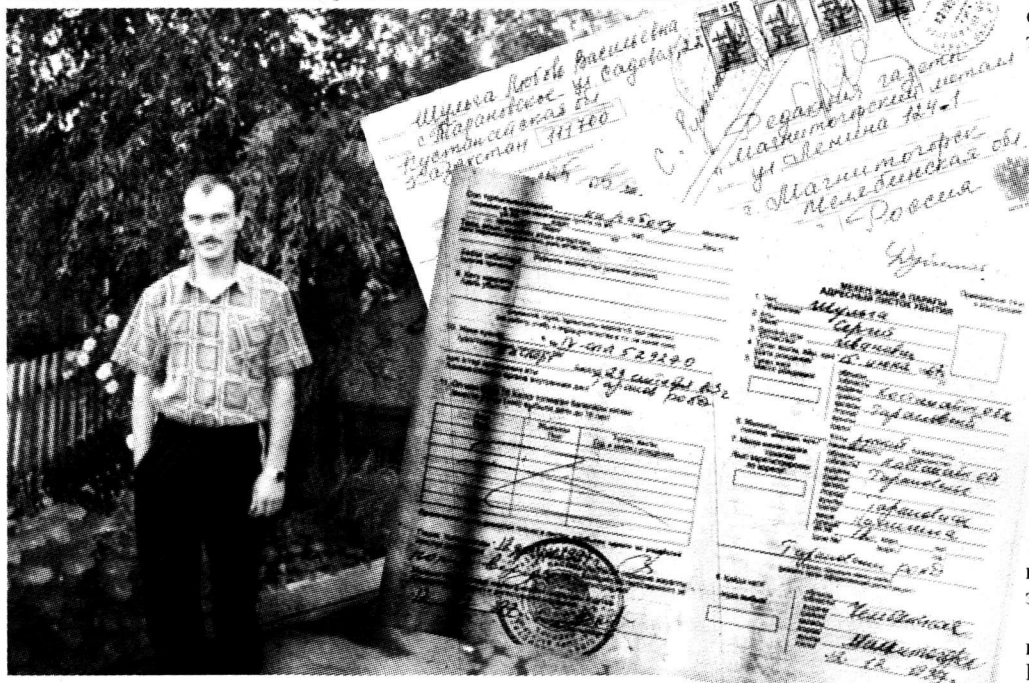
заключение, потом только надо прийти к нему. Короче, везде отказ. Пробыв в Магнитогорске четыре дня — срок визы с 21.01 по 25.01, мы уехали домой, вернее, меня волокли как труп, обессилевшую и замерзшую.

Почему мне не дали похоронить сына? Почему не дали последний раз взглянуть на него ваши чинуши всех мастей? Неужто в России так много денег выделяют, чтобы хоронить за счет государства? А, может, у вас в морге также продают трупы, как это делают в Новосибирске? Теперь я никогда не узнаю, похоронили моего сына или нет? Найду ли я его могилу, если доживу до весны?

Уважаемая редакция! Обращаюсь к вам с огромной просьбой — пройти по всем этим инстанциям, может, они вам что-то сообщат о моем сыне. Почему написала именно вам? Потому, что верю журналистам больше, чем правоохранительным органам!

Сегодня звонила племянница и, рыдая, сказала, что такое же письмо она передала со своими знакомыми в Брюссель, в Евросовет по правам человека. Так что, пусть пеняют потом на себя, эти чинуши! Высылаю вам последнюю фотографию Сергея».

Во многом наши беды проистекают от незнания законов

Родственники слугавили, написав, что обращаются за помощью только к журналистам

Негодованием наполняется душа, когда читаешь эти строки. Каким бессердечным надо быть, чтобы отка-

зать матери в святой просьбе — предать тело сына земле! Неужели нельзя было помочь ее горю? Чтобы разобратся в этой трагическо-бюрократической ситуации, отметем эмоции и попытаемся объективно изучить обстоятельства.

Даже не обращаясь к специалистам, из текста письма можно заключить, что родственники добровольно обрекли себя на ненужные хождения по инстанциям. Зачем, например, сыну Александру надо было по морозу тащить старушку в паспортный стол? Ведь сама Любовь Васильевна пишет, что паспорт еще советского образца был получен Сергеем в Казахстане. Значит, требовать его копию, а именно документ формы номер один, в паспортном столе Магнитогорска было просто бессмысленно.

И обвинять судмедэкспертов в том, что они не отдали тело сына, тоже нельзя. Сама Любовь Васильевна замечает, что причина смерти Сергея была неизвестна. А, может, его действительно убили? Только судмедэксперты устанавливают причину смерти: естественная она или криминальная. В последнем случае возбуждают уголовное дело со всеми вытекающими отсюда необходимыми действиями правоохранителей. Но это лишь журналистские рассуждения, а

конкретные обстоятельства дела следует выяснять у должностного лица — следователя прокуратуры Ленинского района Владимира Боровицкого, о котором Людмила Шульга упоминала в своем письме.

Владимир Сергеевич подчеркнул, что в таком скорбном деле, как захоронение человека, существует строгий порядок. «Тело отдают после установления причины смерти человека. Родственники обязаны предъявить свои документы и паспорт покойного. Только при наличии этих документов выдается медицинское свидетельство о смерти, которое затем предоставляется в ЗАГС. И уже на основании этого медицинского свидетельства и паспорта покойного ЗАГС выдает свое свидетельство о смерти человека. Если паспорт утерян, то человека хоронят как неустановленного, и в милиции заводят уголовное дело по установлению личности покойного».

Можно ли было помочь несчастным людям из Казахстана? Владимир Боровицкий прекрасно помнит этот случай и говорит, что в исключительных обстоятельствах они разрешают заменить паспорт копией — документом формы номер один, которую выдает паспортный стол. Но это возможно только в отношении местных граждан. Что же касается Сергея Шульги, то, по сведениям милицкого информационного центра, он находился в городе нелегально — без регистрации.

Родственники требовали отдать тело, даже

не дожидаясь заключения судмедэкспертов, не понимая, что тем самым толкают следователя не только на должностное преступление, но и уголовно наказуемое деяние. Семье Сергея Шульги было предложено дождаться результатов вскрытия, но они сказали, что вынуждены уехать. Заканчивалась трехдневная виза, хотя продлить срок пребывания не составило бы особого труда. Владимир Боровицкий пошел людям навстречу: отложил захоронение, дожидаясь копии паспорта, который родственники обещали прислать из Казахстана. К тому времени было установлено, что Шульга умер естественной смертью. Диагноз судмедэкспертов — полифогментарная бронхопневмония.

Вскоре в прокуратуру явилась сожительница Сергея и принесла листок убытия, который не является документом. Тогда Боровицкий связался по телефону с Казахстаном, разыскал сестру Сергея Шульги — Смирнову Татьяну, которая работает на почте. Именно в тот день с начальником паспортного стола связаться не удалось, и Боровицкий по факсу отправляет запрос прокуратуры Татьяне Смирновой. Женщина заверяет следователя, что ей не составит труда отнести запрос в паспортный стол, благо он находится через дорогу от почты. Вместо долгожданного документа в прокуратуру позвонила разъяренная родня Шульги и, высказав угрозы в адрес Боровицкого, заявила: «Раз тело до сих пор не захоронено, то следователь сам обязан доставить труп в Казахстан». После такого поворота дела Владимир Боровицкий отправил документы в ЗАГС, и Сергея Шульгу захоронили как неизвестного.

Родственники слугавили, написав, что обращаются за помощью только к журналистам. Подобные письма-жалобы полетели в администрацию Магнитогорска и областную прокуратуру. Матери Шульги, в село Тарановское, был отправлен документ, в котором указаны место захоронения и номер могилы, где покоится ее сын Сергей.

Отметим: в письме Любовь Васильевна говорит, что собиралась хоронить сына в Магнитке. В действительности, они хотели увезти тело в Казахстан. Можно себе представить, какие бы проклятия посыпались на голову следователя, разреши он в обход установленных правил забрать гроб с телом. Несомненно, при пересечении границы без соответствующих документов и груз «200», и люди, его сопровождавшие, были бы задержаны. Без этой самой копии паспорта Сергея, как установленную личность, не удалось бы захоронить даже в Магнитке.

В очередной раз убеждаемся, что без бумаги мы... насекомые. Не только жить, но и поборжески похоронить не получается. Абсурдно, когда бумага важнее человека. Вероятно, надо изменить излишне щепетильные законы. Но несправедливо было бы обвинять сотрудника прокуратуры, который даже в этих железных тисках законов и предписаний сделал все, чтобы помочь неизвестным людям.

Что же касается многочисленной родни покойного Сергея, то прежде, чем слать проклятия, обвинять людей в бездушии и искать защиты в Брюсселе, надо было лишь перейти улицу и взять эту треклятую форму номер один в паспортном столе родного села.

Ирина КОРОТКИХ.

Сотовики — пособники воров?

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Я работаю в сотовой компании (по понятным причинам не пишу ни свою фамилию, ни название компании). Решила написать в вашу газету, потому что хочу, чтобы люди знали правду.

Недавно у меня украли сотовый телефон. Но я, как работник сотовой компании, прекрасно знаю, что все номера краденых аппаратов компания заносит в собственную базу данных. И, значит, когда владелец краденного телефона приходит в офис подключаться к сети, ему просто могут отказать в обслуживании. Мало того, ворованный телефон можно отследить и отключить прямо в эфире, поскольку каждый из аппаратов имеет свой собственный номер. Однако, когда я попросила начальника найти мой телефон и отключить его, мне отказали. Объяснили тем, что владельцы могут подать на компанию в суд. А разве компания не может подать в суд на владельца? Или им просто выгодно молчать, чтобы продолжали платить? Услуги за телефонные разговоры и так намного дороже, чем они стоят на самом деле. Но в жажде наживы сотовики уже потеряли голову и не останавливаются ни перед чем. Если бы они заявляли в милицию и те отбирали краденые телефоны, как фальшивые деньги, к примеру, телефоны просто бы перестали воровать.

И. В.

Трезвый отпор

ТЯЖБА

Челябинец затеял тяжбу против Минфина и выиграл.

Как-то раз 28-летний сын инженера местного авиапредприятия Виктора Михайлина Евгений не вернулся с работы домой. Родители места себе не находили: ни у подруги, ни в больницах, ни в моргах парня не было.

А утром выяснилось, что абсолютно трезвый Женька провел ночь в медвытрезвителе, где его слегка поколотили и обокрали вдобавок. Отец-правдоискатель, возмущенный до глубины души неслыханным бесчинством работников «кутузки», подал жалобу в суд.

В городе проходила антитеррористическая операция, и по указке сверху милиционеры шерстили всех подряд, — рассказывает Виктор Михайлин. — Предъявляя паспорт, Женька имел неосторожность достать из кармана крупную купюру. Тотчас сотрудник милиции, не объяснив причины задержания, потащил Женьку в «трезвяк».

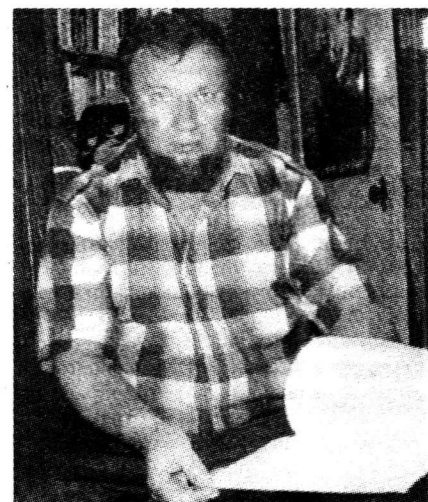
Видеокамера зафиксировала процедуру изъятия у клиента документа, удостоверяющего личность, часов, связки ключей

и пачку рублей. На другой день Михайлина-младшего отправили на все четыре стороны, всучив ему протокол о пребывании в медвытрезвителе и 50 рублей, чтобы мог добраться до дома.

Оскорбленный молодой человек отправился напрямик в наркологический диспансер. Независимое медицинское обследование факта употребления Евгением алкоголя и состояния опьянения не выявило. Младший лейтенант, доставивший законопослушного Женьку в «кутузку», в объяснительном рапорте написал: «Не понравился он мне!». За самовольство сотрудник милиции получил всего лишь строгий выговор.

Виктор Михайлин не хуже юриста-профессионала собрал неопровержимые доказательства вины Жениных обидчиков. Судебная тяжба, затеянная отцом в защиту гражданских прав сына, длилась два года.

И вот, наконец, суд поставил точку в этом деле, постановив: «Взыскать с Минфина РФ за счет средств казны в пользу истца возмещение вреда имуществу в размере 230 рублей и компенсацию морального вреда в размере 2000 рублей». Кроме того, суд обязал руководство вытрез-

вителя вернуть Евгению Михайлину 105 рублей, уплаченных им за так называемые услуги.

Человек из суда, пожелавший остаться инкогнито, так прокомментировал этот неприятный инцидент:

— Виктор Михайлин в некотором смысле народный герой. История с его сыном доказывает, что бороться с произволом власти через суд не только можно, но и нужно.

Кстати, пять лет назад Михайлин уже выигрывал суд у Минфина РФ, вернув деньги, вложенные в товарные облигации.

Герман ВЛАСОВ.